

В памяти

Нина Горланова

Новые русские и их учительница

Говорят: счастлив тот учитель, за гробом которого идет хотя бы один ученик.

У моей подруги умерла мама. Ксении Александровне было 84 года, она давным-давно не работала в школе. Но бывшие ученики не забывали Ксению Александровну все эти годы. Одиннадцать из них шло за ее гробом. Причем один приехал для этого из Ижевска (такая была с ним договоренность, чтоб дали телеграмму, он приедет). И не было у Ксении Александровны никаких званий «Заслуженная учительница», но мы видим, что заслужила она гораздо большее — любовь.

В последнее время она тяжело и долго болела. Двое из ее учеников к этому моменту стали новыми русскими. Они не только помогали деньгами, лекарствами, но и сами приходили ухаживать за дорогим человеком. Видели ли вы когда-нибудь, как новый русский, опустившись на колени, надевает тапочки своей больной престарелой школьной учительнице? А они надевали!

Мы говорим, что рыночная эпоха в нашей стране разбудила в людях (разбогатевших) не лучшие качества. Мол, конечно, в атеистическую страну была вброшена идея «Обогащайтесь»... А не с неба упали на Ксению Александровну эти прекрасные ее ученики! Они тоже в нашей стране обогащались. Но — значит — сумела она вложить в них такие качества, которые не исчезли даже при появлении больших денег! Если наши новые русские нам не очень нравятся, то спросить надо с себя. Плохо их учили в школе...

Елена Николаевна

В мартовском и апрельском номерах журнала «Урал» за 2004 год опубликована повесть Марины Голубицкой «Вот и вся любовь». Она посвящена пермской учительнице литературы, знаменитой в 60–70–80-х годах Елене Николаевне (фамилия в повести изменена, а имя и отчество — нет).

А я хорошо знала Елену Николаевну. При советской власти ее выжили из элитной школы: не любили тогда, чтоб личность выделялась умом и искренностью — ох, как не любили! И она ушла работать в ШРМ (школу рабочей молодежи), где я как раз служила библиотечкарем.

На самом деле мне только казалось, что я хорошо знала Елену Николаевну! Знала да не знала! В повести приведены письма Елены Николаевны из Израиля, много ее прекрасных писем. Глубоких, ярких, в которых ее

любовь к ученикам — ее память о каждом из них — так поразили меня!

Я долго плакала, когда закончила читать повесть — это были просветленные благодарные слезы. Я чувствовала себя счастливой и от того, что Марина Голубицкая написала эту прекрасную повесть о чудесном человеке, и от того, что жил этот человек — Елена Николаевна — в Перми, моем городе! А более всего меня радовала мысль, что *на самом деле* «время — честный человек». Как любила учительница своих учеников! И они отплатили ей взаимностью! Когда Елена Николаевна оказалась в Израиле, где страдала от ностальгии, одиночества и болезней, ученики писали, приезжали, помогали, снова писали, снова приезжали...

Я помню, как мы однажды в ШРМ вели с Еленой Николаевной долгий разговор о «Вишневом саде». Она говорила: у Лопухина есть умение жить, но нет культуры, у Раневской есть культура, но совершенно нет умения жить.

— Будет ли когда-то в России время, при котором это все уместится в одном человеке? — спросила я.

Помню, как иронично она на меня посмотрела в ответ...

Но как она тосковала по этой России там — в Израиле! Перечитывала любимых авторов, писала прекрасные письма ученикам. Есть такое знаменитое изречение: «Терпение красиво». Ее терпение было красиво.

И все же, когда она сломала шейку бедра и оказалась в доме для престарелых... вдруг отказалась принимать лекарства и через месяц умерла. Как Гоголь. Но это я так думаю. Мы же никогда не узнаем, почему произошло то, что произошло в конце...

Но остались ученики — много учеников. И все помнят ее уроки, ее мысли, ее доброту и широту. И даже Марина Голубицкая мечтает когда-нибудь — там — снова встретиться с Еленой Николаевной и посидеть с нею на скамейке, как бывало в Израиле, чтоб наговориться вволю...

Мой ангел

Не стало моего ангела, моей любимой учительницы — Анфисы Дмитриевны Малухиной.

Она по распределению приехала в наш поселок в 1960-м и начала вести в нашем классе историю. Эти уроки я помню до сих пор! Входит быстрым легким шагом! Повесит на доску «ненаглядное» пособие и сразу:

— Давайте присядем в камышах и послушаем, о чем говорят эти люди, плывущие в лодке по Нилу! Тише, еще тише!

В камышах — это значит на корточках между рядами парт... Мы все замерли, а Анфиса Дмитриевна читает диалог двух египтян.

Затем она стала у нас классной руководителем. Классная была наша классная!

Мы без конца делали доклады: по импрессионизму и по голландцам, по современной литературе и классической музыке. Ну и по кино тоже. А что такое —

жизнь в маленьком поселке рабочего тира? Бани — общая, встретимся с Анфисой Дмитриевной в парилке, она мне веник в руки и:

— Нина, перечисляй всех царей!

И перечисляю, размахивая веником.

Вот так, ежесекундно, она заботилась о наших знаниях.

А из бани ведь тоже идем вместе. Мимо киоска «Союзпечати», где продаются открытки, в том числе — художественные. Натюрморты, например. Я спросила:

— Анфиса Дмитриевна, зачем какие-то натюрморты еще?

— Ну, если художник изобразил богатые охотничьи трофеи — чьи взгляды он отражает? А если просто селедку?.. Ты понимаешь?

Я понимала.

А потом до сорока лет моих она... слала мне картошку (с оказией в сентябре — мешок-другой). Да-да, из поселка Сарс — в город Пермь, от нашего столика — вашему, бедному, писательскому. Однажды моя дочь Соня, тогда первоклассница, сказала:

— Мама, а твоя учительница лучше моей!

— Почему ты так думаешь, Сонечка?

— Что-то я не представляю, что моя Римма Николаевна будет до сорока лет присылать мне мешки картошки...

Когда сына Анфисы Дмитриевны отправили в Афганистан, она заболела. Грянул страшный диагноз: рассеянный склероз. Я навещала ее в больнице в Перми. Она просила принести томик стихов нашего — культового, как бы сказали сейчас, — поэта Алексея Решетова. Оказалось: услышала по радио его поэму «Хозяйка маков» и решила выучить. «Если смогу, значит, у меня не рассеянный склероз». И выучила. И вылечилась.

Не сразу, конечно. Просто у нее был такой муж, каких на миллион — один. Для начала он договорился с врачами, что на руки Анфисе Дмитриевне дадут удостоверение о второй группе, чтоб она не отчаивалась (в документах была — конечно — первая группа инвалидности). Во-вторых, он нашел хорошего массажиста и возил Анфису Дмитриевну к нему на лечение. В-третьих, он любил и верил, верил и любил. И чудо случилось: она встала на ноги! Вернулась в школу (на полставки). Невероятная история, но она произошла буквально на моих глазах.

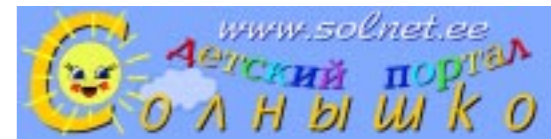
Я помню, в один из моих приездов на родину (я всегда останавливалась у Анфисы Дмитриевны, потому что мои родители к этому времени уже переехали в Ростовскую область) случился такой разговор. Муж ее сказал:

— Это я суперклею склеил — навсегда. Но сейчас он закончился у нас, и почему-то не завозят его больше в наш магазин.

— Что ж ты мне не сказал, Володя! Я бы тебя за мизинец к своему мизинцу приклеила — и навсегда!.. — ответила Анфиса Дмитриевна.

Юмор у нее оставался до конца, хотя она уже рассказывала мне:

— Ночами проснусь и повторяю царей — прове- ряю себя! Так боюсь склероза!

Ежедневный
развлекательно-познавательный
Интернет-портал «Солнышко»
приглашает на страницы своего сайта
детей и любящих их взрослых

Новое в июле 2005 года:

- детский ежедневный астрологический прогноз;
- викторина о Гарри Поттере;
- фотоконкурс «Я люблю свою лошадку»;
- фотоконкурсы «Мистер Солнышко», «Мисс Солнышко» и «Маленькая мисс Солнышко»;
- очередной номер виртуального детского журнала «Солнышко»;
- новые раскраски и развивающие компьютерные игры;
- стихотворные поздравления с днем рождения каждому знаку зодиака;
- продолжение практического курса для родителей «Как научить ребенка говорить по-немецки» и многое-многое другое.

Добро пожаловать!

И все-таки он подступал. Полгода назад я в последний раз приезжала к ней. Она спрашивала:

— Девочки где сейчас живут: с вами или с мужьями?

— С мужьями, с нами только младшая.

— А Слава у тебя с годами какой стал: ничего — добрый?

— Слава очень хороший, с ним мне повезло.

— А девочки где живут: с вами или с мужьями?

— Соня и Даша с мужьями. С нами Агния.

— А Слава у тебя какой: ничего — добрый?

И так без конца.

В свое время Анфиса Дмитриевна подарила мне роскошную гигантскую фиалку, нежно-розовую. Она выделяется среди моей коллекции. Так и Анфиса Дмитриевна выделялась: красный диплом в институте, энциклопедизм, высокий рост, красота, коса до пят, аристократизм, юмор, щедрость в цветении! Спасибо вам, моя родная!

Хоронили Анфису Дмитриевну в духе... — как бы помягче выразиться — нового времени. В поселке сейчас упадок — завод лежит на боку. Дали машину от совета, единственную, какая есть; у нее одна скорость, а именно — третья. И вот как она рванула с места на третьей скорости, так и полетела на кладбище! Провожатые сначала пытались следовать за нею, но быстро поняли, что это никому не по силам... Так и остановились все. Маркес!

Но в наших сердцах вы на месте, дорогая любимая Анфиса Дмитриевна!